

Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии

Фабрикант М.С.,

кандидат психологических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория сравнительных исследований массового сознания, Экспертный институт, НИУ ВШЭ, Москва, Россия; доцент, кафедра психологии, факультет философии и социальных наук БГУ, Минск, Беларусь, marharyta.fabrykant@gmail.co

В статье проводится обзор сравнительных кросс-культурных исследований национальной идентичности, проведенных психологами последних двух десятилетий с использованием количественных методов. Рассматривается связь теоретико-методологических оснований этих исследований с общей повесткой дня современной социальной психологии, междисциплинарными исследованиями наций и национализма и эмпирическими ресурсами межстрановых опросов. Проанализированные публикации указывают на преобладание описательных психологических исследований; при этом в объяснительных исследованиях факторов национальной идентичности преобладают социологические и политологические подходы. Однако результаты объяснительных психологических исследований раскрывают недооцененную кросс-культурную вариативность взаимосвязей между составляющими национальной идентичности и их соотношение с различными по своей природе когнитивными механизмами. Для раскрытия потенциала своей дисциплины, кросс-культурным психологам, изучающим национальную идентичность, следует исследовать взаимосвязи национальной идентичности с базовыми ценностями и представлениями с особым вниманием к кросс-уровневым эффектам интеракции и социальной динамике.

Ключевые слова: кросс-культурная психология, массовое сознание, национальная идентичность, национализм, патриотизм.

Для цитаты:

Фабрикант М.С. Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. №4. С. 22—31. doi: 10.17759/jmfp.2018070403

For citation:

Fabrykant M.S. Comparative quantitative study on national identity in contemporary social psychology [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7. № 4. P. 22—31. doi: 10.17759/jmfp.2018070403 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

«Возрождение национализма» — признание возросшей роли национальных идентичностей и активизация дебатов о национализме в публичном пространстве — привело к изменению повестки дня в исследованиях наций и национализма — междисциплинарной области исследований, сформировавшейся в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Во-первых, неясно, насколько усиленное присутствие тематики нациестроительства в публичном политическом дискурсе отражает рост националистических настроений на микроуровне. Действительно ли поддержка политических сил, выступающих с националистическими лозунгами, отражает некие относительно устойчивые аттитюды, или речь идет о ситуативной реакции общественного мнения на иные социальные проблемы, не имеющие первоначально отношения к национальному вопросу?

Во-вторых, все больший интерес вызывают возможные последствия реактуализации национальных идентичностей. Всегда ли национализм деструктивен, или существуют «хорошие» и «плохие» виды национализма, как соотносятся и насколько сильно взаимосвязаны различные компоненты национальной идентичности, национализм и ксенофобия?

В-третьих, глобальный, хотя и не совсем равномерный характер новой волны популярности национализма (политологи говорят в институциональном плане о «националистическом интернационале», а применительно к социальным аттитюдам можно было бы обозначить происходящее как «националистическую глобализацию») побуждает ставить вопрос об универсальности национализма.

Насколько велики различия между странами в уровне и содержании национальных идентичностей и с чем они связаны — с объективными характеристиками стран, например, уровнем экономического развития, модернизацией ценностей или с целенаправленным воздействием на общественное мнение?

Сформированная этими вопросами новая повестка дня способствует более значимой роли социально-психологических и особенно кросс-культурных психологических исследований наций и национализма.

На смену историческим и историко-социологическим работам о происхождении наций и дебатах о модерности либо примордиальности национализма пришел интерес к современной ситуации, а вновь обнаружившаяся фактическая неспособность интеллектуальных элит предсказать эту ситуацию, вопреки

деконструктивистскому тезису о пластичности массового сознания, привела к относительному смещению интереса от генерирования националистических идеологий к их представленности на микроуровне в социально разделяемых представлениях и повседневных практиках [5].

Кроме того, очевидно-недостаточная объяснительная способность общего суждения об иррациональной/психологической/эмоциональной привлекательности национализма актуализирует исследования когнитивных психологических механизмов формирования национальной идентичности, представление о которых позволило бы адекватно оценить ее когнитивную сложность и кросс-культурную вариативность.

Анализ литературы показывает, что в последние годы был проведен ряд эмпирических исследований, результаты которых дают ответы на некоторые из обозначенных вопросов [6].

Цель данной статьи — представить обзор теоретических оснований, методологии и основных результатов этих исследований.

В первом разделе основной части статьи обозначена общая эмпирическая база сравнительных количественных исследований национальной идентичности и два направления — описательные и объяснительные, во второй и третьей проанализированы ключевые работы каждого из этих направлений.

В заключительной части представлены выводы о подходах и новых перспективных направлениях изучения национальной идентичности в кросс-культурной психологии.

Понятие и операционализация национальной идентичности

В самом общем смысле под национальной идентичностью понимается набор социальных аттитюдов, каким-то образом содержательно связанных с национальным самоопределением. Поэтому на первый план выходит не то, к какой именно нации или нациям люди себя относят, а то, какой смысл они в это вкладывают и насколько большое значение своей национальной принадлежности придают. При этом, по крайней мере, в количественных исследованиях, содержательная сторона операционализируется как специфическое для населения страны или иной группы соотношение степеней выраженности различных составляющих национальной идентичности [12].

Как следует из приведенного определения, набор компонентов, составляющих национальную идентичность, не задан заранее некими неизменными свойствами национальной идентичности и во многом определяется повесткой дня. Не все из них представлены в сравнительных количественных исследованиях. Например, представления о происхождении наций и о предполагаемой древности своей нации, несмотря на повышенное внимание к ним в теоретических работах, трудно отраз-

ить в массовых опросах из-за своей абстрактности и удаленности от повседневного опыта респондента.

Кроме того, некоторые вопросы требуют специализированного экспертного знания (особенно это относится к популярному направлению истории понятий, например, сопоставлению смысла понятия нации в различные исторические эпохи) либо отражают непоставимую культурную специфику (представления о ключевых событиях национальной истории, национальных героях и т. п.).

Рассмотрим варианты операционализации тех компонентов национальной идентичности, которые наиболее полно представлены в крупнейших межстрановых опросах.

Самый очевидный способ оценить степень выраженности национальной идентичности — задать респонденту прямой вопрос.

Международные опросные базы данных содержат такие вопросы о приписываемой значимости национальной идентичности наряду с альтернативными идентичностями — локальными, региональными и транснациональными.

Так, крупнейшее по количеству охваченных стран Всемирное исследование ценностей (World Values Survey, WVS), проводимое раз в 5 лет начиная с 1981 г., содержит блок из пяти суждений: «Я считаю себя гражданином мира»; «Я считаю себя членом местной общины»; «Я считаю себя россиянином» (подставляется название нации соответственно каждой стране, в которой проводится опрос); «Я считаю себя членом СНГ» (приводится название регионального объединения стран соответственно месту проведения опроса); «Я считаю себя автономным индивидом». Респонденту предлагается выразить степень своего согласия с каждым из этих утверждений, используя четырехпунктовую порядковую шкалу: «совершенно согласен», «скорее, согласен», «скорее, не согласен», «совершенно не согласен» [25].

Похожий блок вопросов представлен в начале опросника тематической части Международной программы социальных исследований, посвященной национальной идентичности (International Social Survey Programme — National Identity, ISSP), которая проводится раз в 10 лет и представляет собой наиболее содержательно развернутый межстрановой опрос на данную тему. В ней респонденту предлагается ответить на вопрос «насколько сильно вы чувствуете свою связь.. с Вашим городом / Вашей деревней, селом, с вашей областью, краем, республикой» (приводятся административно-территориальные единицы страны проведения опроса), с Россией (приводится название страны проведения опроса), с Европой, с Азией (приводится название или названия регионов, соответствующих стране проведения опроса)» с вариантами ответов «очень сильно», «довольно сильно», «не очень сильно» и совершенно не чувствую связь» [17; 18; 19].

Основное различие заключается в том, что во WVS делается акцент на когнитивной, а в ISSP — на эмоциональной составляющей национальной идентичности.

Общим недостатком этих шкал является общая формулировка, с которой будет склонно согласиться подавляющее большинство. Как следствие, распределения по данным переменным в большинстве стран оказываются сильно смещенными в сторону полного или частичного согласия / очень сильной или сильной связи, из-за чего данные переменные обладают низкой дифференцирующей силой.

Кроме того, группа подряд расположенных вопросов с одинаковыми вариантами ответов повышает вероятность возникновения так называемого методического фактора — выбора одного и того же варианта ответа, отражающего не одинаковую степень выраженности разных идентичностей, а экономию респондентом когнитивных усилий.

Поэтому данные по этому вопросу следует интерпретировать с осторожностью, тщательно изучать базовые описательные статистики перед построением факторных и объяснительных моделей, и соотносить эти результаты с другими, непрямыми способами оценки общей степени выраженности национальной идентичности.

База данных WVS содержит две переменные, направленные на такую непрямую оценку. Одна из них соответствует вопросу: «Конечно, все мы надеемся, что еще одной войны не будет, но, если так все-таки случится, Вы захотите сражаться за свою страну?» с вариантами ответа «да» и «нет» [25].

Преимущество этого вопроса заключается в содержательной связи с одной из ключевых отличительных характеристик национальной идентичности: согласно Б. Андерсону, автору, пожалуй, наиболее влиятельной в исследованиях наций и национализма теории «воображаемых сообществ», самопожертвование во имя своей нации, в отличие от других больших устойчивых социальных групп, считается не исключением, а нормативно заданным требованием, если речь идет о войне между национальными государствами.

Основное ограничение этого способа операционализации национальной идентичности — гендерная специфика: в большинстве стран это нормативное требование распространяется преимущественно на мужчин.

Кроме того, отрицательный ответ может отражать не только слабую национальную идентичность, но и пацифистские убеждения.

Еще один вариант опосредованного измерения общего уровня национальной идентичности — вопрос о гордости страной, который фигурирует и в WVS, и в ISSP, а также в ряде региональных опросов (например, Европейское исследование ценностей — European Values Study, EVS). Респонденту предлагается ответить на вопрос: «Насколько Вы гордитесь тем, что Вы — россиянин?» (WVS) или «Насколько Вы гордитесь тем, что являетесь гражданином/гражданкой России?» (ISSP) с вариантами ответа «очень горжусь», скорее / в какой-то мере горжусь», «не очень горжусь», «абсолютно/совсем не горжусь» [11; 17; 18; 19].

Распределения по этой переменной оказываются намного менее смещенными, чем по прямому замеру выраженности национальной идентичности. ISSP также содержит блок переменных, позволяющих с использованием той же шкалы оценить уровень гордости достижениями страны в 10 различных сферах и ряд атрибутов, содержательно близких к гордости: стыд за страну, вера в превосходство своей страны и соотечественников, а также вопросы о значимости патриотизма в стране [17; 18; 19].

Еще один значимый блок вопросов ISSP отражает приписываемую значимость различных критериев национальной (само)идентификации. Вопрос сформулирован так: «Как вы думаете, насколько важно для того чтобы считаться истинным россиянином... родиться в России, иметь российское гражданство, прожить в России большую часть своей жизни, говорить по-русски, быть православным, уважать российский политический строй и законы, чувствовать себя россиянином, иметь российское происхождение» с вариантами ответа «очень важно», «не очень важно», «в какой-то мере важно» и «совсем не важно».

Ценность этих данных заключается в том, что они позволяют операционализировать один из основных теоретических конструктов в исследованиях наций и национализма — этнический и гражданский виды национальной идентичности: происхождение, конфессиональная принадлежность, язык и место рождения соответствуют этническому типу, а место проживания, гражданство, уважение к законам и субъективное самоощущение — гражданскому. Важно, что этот блок вопросов позволяет не только определить преобладающий тип национальной идентичности в той или иной стране, но и эмпирически проверить актуальность и кросс-культурную универсальность этой типологии [17; 18; 19].

Таким образом, имеющиеся опросные данные о национальной идентичности позволяют не только сравнивать страны по степени выраженности различных индикаторов национальной идентичности, но и строить более сложные модели.

Анализ литературы показывает, что в современных сравнительных количественных исследованиях национальной идентичности, как правило, ставится задача построения либо описательных моделей, направленных на выявление структуры и классификации национальных идентичностей, либо на объяснение различий в степени выраженности различных компонентов национальной идентичности на индивидуальном и страновом уровнях.

Рассмотрим формат и результаты основных описательных и объяснительных исследований.

Описательные исследования национальной идентичности

Ранние описательные исследования национальной идентичности направлены преимущественно на ее

«распаковывание» — раскрытие внутреннего многообразия ее компонентов и неоднозначности связей между ними.

Так, уже в исследованиях, ориентированных на первичный анализ данных ISSP и обоснование их ценности, при помощи базовых частотных и корреляционных статистик было обнаружено, что уровень национальной идентичности для одних и тех же стран существенно различается в зависимости от способа его операционализации. В частности, в этих исследованиях была обнаружена неожиданно слабая взаимосвязь между гордостью достижениями своей страны в различных сферах с одной стороны и общей гордостью страной — с другой.

Таким образом, было показано, что описательные количественные исследования национальной идентичности не должны ограничиваться простым замером степени выраженности национальной идентичности в различных странах. Выявленная многомерность потребовала эмпирической проверки того, какие теоретически выделяемые компоненты национальной идентичности действительно представлены в коллективных представлениях как содержательно различные, и поставила вопрос о существовании национальной идентичности как единого феномена [21; 22].

Ряд последующих исследований позволил выявить структуру национальной идентичности, скрытую за внешним многообразием ее проявлений. Это стало возможным, прежде всего, благодаря использованию современных статистических методов — конфирматорного факторного анализа и моделирования структурных уравнений, но также и привнесению нормативной составляющей.

Так, основной вопрос представителей этого направления — всегда ли национальная идентичность предполагает ксенофобию — может прочитываться как попытка выяснить, всегда ли национализм «плохой» и разграничить «хороший» и «плохой» национализм. В этом плане количественные кросс-культурные исследования национальной идентичности существенно отличаются от междисциплинарных исследований наций и национализма, в которых, за редким исключением, используется подчеркнута ценностно нейтральная расширительная трактовка национализма как представления о естественном — объективном и необходимом — существовании наций.

Более релевантными оказываются общие социально-психологические теории, особенно теория социальной идентичности, в которой утверждается и экспериментально обосновывается неизбежность межгрупповой дискриминации и внутригруппового фаворитизма как следствия принадлежности к группе.

С другой стороны, в ряде теорий личности, особенно гуманистической направленности, постулируется компенсаторный характер интолерантности и враждебности как следствия недостаточно высокой самооценки.

Исследования, направленные на эмпирическую проверку этих противоречащих друг другу позиций, продолжают обнаруживать, что обе они верны для разных составляющих национальной идентичности. Так, деФигейредо и Элкинс обнаружили, что различные индикаторы веры в превосходство своей нации над другими значимо положительно связаны с измерением ксенофобии, в то время как большинство представленных в ISSP измерений гордости (за исключением гордости политическим влиянием страны в мире, спортивными достижениями и вооруженными силами) вместе с чувством близости к стране, стыдом за страну и приписываемой значимостью национального единства образовали другой фактор, не коррелирующий с ксенофобией статистически значимо [9].

Авторы исследования назвали эти факторы, соответственно, национализм и патриотизм, тем самым возвращая эти понятия из обывденного словоупотребления в научный понятийный аппарат [9].

Последующие исследования частично подтвердили правомерность разграничения «хорошей» и «плохой» разновидностей национальной идентичности для отдельных стран, однако выявили некоторые различия в составе этих факторов. Так, Вагнер с коллегами обнаружили, что в Германии гордость историей своей страны входит в фактор национализма (в исследовании де Фигейредо и Элкинса, — напротив, в фактор патриотизма), а Григорян выявила в России факторы политического (гордость достижениями в политической, экономической и социальной сферах) и культурного патриотизма (гордость достижениями в культуре и спорте), отличных от собственно национализма (веры в превосходство своей страны): национализм коррелирует с ксенофобией отрицательно (так же, как и аналогичные индикаторы в модели де Фигейредо и Элкинса), культурный патриотизм — значимо не коррелирует (у де Фигейредо и Элкинса же из его составляющих — гордость спортивными достижениями и гордость политическим влиянием страны в мире — входит в фактор, связанный с ксенофобией положительно), а политический патриотизм — значимо отрицательно (у де Фигейредо и Элкинса гордость политическим влиянием страны в мире входит в фактор национализма, связанный с ксенофобией положительно) [1; 9; 15].

Хадди и Хатиб на данных американского Общего социального исследования (GSS) выявили в США не двух-, а **трех-факторную** модель, состоящую из гордости страной, национализма (в узком смысле слова, близкого к ксенофобии) и собственно национальной идентичности (содержательно близкой к приписываемой значимости принадлежности к стране) [16].

Таким образом, результаты проведенных исследований указывают на общую правомерность разграничения различных измерений национальной идентичности в зависимости от их связи с ксенофобией, однако вместе с тем демонстрируют на существенную вариативность моделей в зависимости от охваченных

исследованием стран и используемых в нем конкретных индикаторов.

Попытка построения кросс-культурно валидных измерений национальной идентичности была предпринята в исследованиях Давидова, направленных на систематическую проверку инвариантности с использованием мультигруппового конфирматорного факторного анализа. Выявленная модель, в отличие от рассмотренных выше исследований, включает всего пять переменных: гордость демократией, системой социальной защиты и равенством и справедливостью для всех объединяются в фактор «хорошего» национализма, который Давидов называет конструктивным патриотизмом, а вера в превосходство своей страны и соотечественников — в фактор «плохого» национализма. Проверка на данных ISSP обнаружила для большинства охваченных этим исследованием стран конфигуративную (одни и те же переменные образуют одни и те же факторы) и метрическую (факторные нагрузки переменных статистически значимо не различаются), но не скалярную (эквивалентность начальных значений факторов) инвариантность. Сравнение двух волн ISSP также подтвердило инвариантность этой модели во времени [7; 8].

Из этого следует, что модель Давидова может использоваться для выявления факторов, влияющих на межстрановые различия в уровне национализма и патриотизма (для этого достаточно структурной и метрической инвариантности), но не для простого описания этих различий, поскольку из-за отсутствия скалярной инвариантности означает, что средние значения факторов для разных стран несопоставимы — для этого приходится ограничиваться использованием отдельных индикаторов, как это уже было сделано в более ранних исследованиях. Для построения кросс-культурных объяснительных моделей, напротив, возможностей больше. Рассмотрим, в какой мере и каким образом они были реализованы.

Объяснительные исследования национальной идентичности

Проведенный анализ описательных исследований обнаружил большую, если не ведущую роль общих социально-психологических теорий социальной идентичности как источника для выдвижения гипотез о структуре национальной идентичности и взаимосвязях между ее компонентами.

В объяснительных исследованиях, напротив, ведущая роль принадлежит социологии и политологии. В большинстве сравнительных количественных исследований, направленных на выявление факторов, влияющих на уровень национальной идентичности, ставятся вопросы не о закономерностях формирования социальных аттитюдов, а о социальной интеграции или политической вовлеченности.

Так, Кунович обнаружил, что общий уровень национальной идентичности значимо зависит от множества критериев социальной дифференциации без явно видимого ключевого фактора. Исследования Виммера с соавторами, напротив, указывают на определяющую роль одного фактора, положительно связанного с национальной идентичностью, — возможности активного участия в политическом процессе и влияния на принимаемые решения [20; 24].

Для представителей этнических меньшинств этот фактор, как выяснилось, играет большую роль, чем, например, воспринимаемая близость к культуре большинства или различные измерения прошлого исторического опыта. При этом исследование Элкинса и Сайдса обнаружило, что уровень развития политических институтов, направленных на обеспечение возможностей политического участия, влияет на силу национальной идентичность довольно слабо. Хотя обозначенные исследования опираются на масштабные интегрированные базы данных с множеством переменных, в том числе трудноизмеримых, и выявляют интересные закономерности, им присущ один общий недостаток — перенос внимания с зависимой переменной на независимые. Их результаты не столько углубляют понимание национальной идентичности как таковой, сколько позволяют на материале национальной идентичности оценить степень влияния ключевых социально-стратификационных и институционально-политических характеристик современных обществ [10].

Вместе с тем, ряд исследователей, в том числе политологов и социологов, прибегает для выдвижения гипотез о факторах национальной идентичности именно к психологическим теоретическим построениям, особенно тем из них, которые уже приняты и используются в различных дисциплинах. Так, Солт эмпирически проверяет идею о компенсаторной природе национальной идентичности. Согласно его предположению, национальная идентичность и особенно гордость страной как наиболее общий положительный ее компонент могут осознанно стимулироваться с целью отвлечь внимание населения от объективно существующих проблем. Это предположение подтверждается выявленной значимой положительной связью между общей гордостью страной и уровнем социального неравенства в этой стране. Иначе говоря, сильнее гордятся теми странами, где, по крайней мере, уровень неравенства дает основания скорее для недовольства, чем для гордости. Этот вывод перекликается в теорией «воображаемых сообществ» Андерсона: национальная идентичность создает представление о единстве несмотря на социальное расслоение [23].

Сходная постановка вопроса — о том, насколько национальная идентичность обусловлена объективными характеристиками страны, — фигурирует в исследовании Фабрикант и Магуна. В нем с опорой на теорию когнитивных процессов Канемана предполагает-

ся, что гордость страной может быть результатом самостоятельной рефлексии (Система 2 по Канеману), если сама постановка вопроса создает привязку гордости к достижениям страны в конкретных сферах, либо, напротив, продуктом нерелексивного усвоения заданных извне нормативных требований (Система 1 по Канеману), если идет речь о гордости вообще без отсылки к ее возможным основаниям [13].

Результаты, полученные на данных второй волны ISSP, подтвердили это предположение: фактор, объединяющий все 10 индикаторов гордости за достижения страны в различных сферах, оказался значимо положительно связанным с объективными индикаторами уровня социально-экономического развития страны — ВВП на душу населения и Индексом человеческого развития, — в то время как для общей гордостью за страну этой связи не выявлено [13].

В последние годы ряд объяснительных исследований национальной идентичности с применением многоуровневого регрессионного анализа как основного метода и ISSP и иногда WVS как эмпирической базы был проведен Ариэли [2; 3; 4].

В фокусе его исследований — влияние страновых характеристик на степень выраженности различных составляющих национальной идентичности и их на связь с другими, содержательно близкими параметрами [2; 3; 4].

Так, в одном из немногих количественных исследований, опубликованном в *Nations and Nationalism* — ведущем журнале в своей предметной области, — Ариэли показал, что уровень глобализованности страны отрицательно влияет на «конструктивный патриотизм» по Давидову (с которым Ариэли провел несколько совместных исследований), готовность защищать свою страну с оружием в руках и значимость этничности, но не на собственно национальную идентичность и национализм [3].

В другом исследовании, посвященном влиянию глобализованности страны на уровень ксенофобии, Ариэли не обнаружил прямого влияния, но зато выявил опосредующий эффект. Положительная связь ксенофобии с национализмом и отрицательная — с «конструктивным патриотизмом», ранее обнаруженная в некоторых представленных выше описательных исследованиях, оказалась не полностью универсальной: обе корреляции существенно сильнее в более глобализованных странах [4].

Еще одно исследование, охватывающее целых 93 страны, выявило в целом компенсаторный характер общей гордости страной: она отрицательно связана с уровнем экономического развития (что согласуется с результатами исследования Фабрикант и Магуна) и глобализованностью, но при этом положительно — с уровнем социального неравенства (что согласуется с результатами Солта) и недавним историческим опытом вооруженных конфликтов [2; 13; 23].

Вместе с тем, несмотря на эти факторы, в своем новом исследовании Ариэли обнаружил преимуще-

ственно положительное отношение к патриотизму в большинстве стран, особенно у представителей этнического большинства; при этом в странах с меньшим неравенством в правах по этническому признаку представители этнических меньшинств дают в среднем более положительную оценку патриотизму, чем с странами с выраженным ущемлением их прав, а для представителей этнического большинства этот эффект обратный: наиболее высокую оценку патриотизму они дают в тех странах, где их положение наиболее привилегированное [2].

Наиболее интересный общий результат этих исследований, на наш взгляд, заключается в выявлении преимущественно компенсаторной, мобилизационной природы не только национализма, но и отчасти «конструктивного патриотизма». При этом многие взаимосвязи индивидуального уровня оказываются скорее вариативными, чем универсальными, но эта вариативность закономерна и объясняется с другими межстрановыми различиями.

Выводы

В настоящее время в современной социальной психологии накоплен достаточный объем сравнительных количественных исследований национальной идентичности, чтобы оценить потенциал этого направления.

Полученные результаты позволяют не только подвзвергнуть многие ключевые теоретические положения эмпирической проверке, но и существенно расширить представления о национальной идентичности и повысить когнитивную сложность.

Вместе с тем, хотя результаты различных исследований хорошо согласуются между собой и нередко напрямую подтверждают друг друга, для формирования целостной картины предстоит освоить ряд неизученных областей, для некоторых из которых неочевидны не только результаты, но и сами вопросы.

Во-первых, в описательных исследованиях изучается преимущественно связь национальной идентичности с содержательно близкими феноменами, но не с более общими психологическими характеристиками.

Разумеется, речь идет не о том, чтобы попытаться воссоздать некий личностный профиль националиста наподобие «авторитарной личности» по Адорно с соавторами.

Однако было бы интересно выяснить, каким образом национальная идентичность в ее различных измерениях связана с базовыми ценностями, горизонтом планирования времени, верой в справедливый мир, верой в игру с нулевой суммой и другими параметрами, которые активно используются в современной кросс-культурной психологии.

При этом важно изучать межстрановые различия в силе и, возможно, даже направлении этих связей, опе-

рационализируемых как межуровневые эффекты интеракции в объяснительных регрессионных моделях.

В объяснительных исследованиях особым вкладом психологов может стать порождение альтернативных интерпретаций ранее полученных результатов, особенно в связи с неучтенными опосредующими переменными.

Так, не исключено, что компенсаторный положительный эффект социального неравенства на общую гордость страной может в разной степени проявляться у лиц с разным социальным статусом — как объективным, так и его субъективной самооценкой, — и разным доступом к альтернативным ресурсам социальной включенности, например, социальным связям на микроуровне.

Кроме того, не исключено, что влияние представлений о национальной идентичности, транслируемых в масс-медиа, не сводится к простому принятию в той или иной степени, но приводит к непредвиденным изменениям в содержании этих представлений в массовом сознании.

Также было бы интересно изучить силу и характер влияния национальной идентичности на различные

формы поведения, особенно те, которые посредством обращения к национальному вопросу пытаются изменить или контролировать.

Наконец, традиционный призыв к лонгитюдным исследованиям здесь не выглядит ритуальным: тематический блок ISSP, посвященный национальной идентичности, содержит уже три волны, что позволяет оценить динамику, а по отдельным странам требуемых данных еще больше.

В одном из недавних номеров “Nations and Nationalism” одним из аргументов в попытке ограничить роль идеи «банального национализма» представлена дисциплинарная идентичность автора концепции и одноименной книги Биллига [5]: по мнению сторонников этого аргумента, психология в целом играет настолько малую роль в исследованиях национальной идентичности, что ни один психолог не мог внести в представления о нациях и национализме что-либо принципиально важное и новое [14]. Проведенный в данной статье обзор демонстрирует неверность этого суждения и позволяет надеяться, что скоро она станет очевидна не только психологам.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ЛИТЕРАТУРА

1. A longitudinal test of the relation between German nationalism, patriotism, and outgroup derogation / Wagner U. [et al.] // *European Sociological Review*. 2010. Vol. 28. № 3. P 319—332. doi:10.1093/esr/jcq066
2. Ariely G. Evaluations of patriotism across countries, groups, and policy domains // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 44. № 3. P. 462—481. doi:http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2017.1319761
3. Ariely G. Globalisation and the decline of national identity? An exploration across sixty-three countries // *Nations and Nationalism*. 2012. Vol. 18. № 3. P 461—482. doi:10.1111/j.1469-8129.2011.00532.x
4. Ariely G. Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries // *Identities*. 2017. Vol. 24. № 3. P 351—377. doi:10.1080/1070289X.2016.1149069
5. Billig M. *Banal nationalism*. London: Sage. 1995. 200 p.
6. Bonikowski B. Nationalism in settled times // *Annual Review of Sociology*. 2016. Vol. 42. P 427—449.
7. Davidov E. Measurement equivalence of nationalism and constructive patriotism in the ISSP: 34 countries in a comparative perspective // *Political Analysis*. 2009. Vol. 17. № 1. P 64—82. doi:10.1093/pan/mpn014
8. Davidov E. Nationalism and constructive patriotism: A longitudinal test of comparability in 22 countries with the ISSP // *International Journal of Public Opinion Research*. 2010. Vol. 23. № 1. P 88—103. doi:10.1093/ijpor/edq031
9. De Figueiredo Jr R.J.P., Elkins Z. Are patriots bigots? An inquiry into the vices of in-group pride // *American Journal of Political Science*. 2003. Vol. 47. № 1. P. 171—188. doi:10.1111/1540-5907.00012
10. Elkins Z., Sides J. Can institutions build unity in multiethnic states? // *American Political Science Review*. 2007. Vol. 101. № 4. P 693—708. doi:10.1017/S0003055407070505
11. EVS (2011): European Values Study 1981—2008, Longitudinal Data File. GESIS Data Archive, Cologne, ZA4804 Data File Version 2.0.0, doi:10.4232/1.11005.
12. Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics: Comparative quantitative analysis // *Journal of Baltic Studies*. 2018. Vol. 49. № 3. P 305—331. doi:10.1080/01629778.2018.1442360
13. Fabrykant M., Magun V. Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective // *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are* / Eds. P. Schmidt, J. Grimm, L. Huddy, J. Seethaler. New York, NY: Routledge, 2016. [Ch.] 6. P. 83—112.
14. Fox J.E., Van Ginderachter M. Introduction: Everyday nationalism's evidence problem // *Nations and Nationalism*. 2018. Vol. 24. № 3. P 546—552. doi:10.1111/nana.12418
15. Grigoryan L.K. National identity and anti-immigrant attitudes // *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are* / Eds. P. Schmidt, J. Grimm, L. Huddy, J. Seethaler. New York, NY: Routledge, 2016. [Ch.] 11. P. 206—228.

16. *Huddy L., Khatib N.* American patriotism, national identity, and political involvement // *American journal of political science.* 2007. Vol. 51. № 1. P 63—77. doi:10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x
17. ISSP Research Group (1998): International Social Survey Programme: National Identity I — ISSP 1995. GESIS Data Archive, Cologne. ZA2880 Data file Version 1.0.0, doi:10.4232/1.2880
18. ISSP Research Group (2012): International Social Survey Programme: National Identity II — ISSP 2003. GESIS Data Archive, Cologne. ZA3910 Data file Version 2.1.0, doi:10.4232/1.11449
19. ISSP Research Group (2015): International Social Survey Programme: National Identity III — ISSP 2013. GESIS Data Archive, Cologne. ZA5950 Data file Version 2.0.0, doi:10.4232/1.12312
20. *Kunovich R.M.* The sources and consequences of national identification // *American Sociological Review.* 2009. Vol. 74. № 4. P 573—593. doi:10.1177/000312240907400404
21. *Smith T.W., Jarkko L.* National pride: A cross-national analysis. Chicago, IL : National Opinion Research Center, University of Chicago, 1998. 50 p.
22. *Smith T.W., Kim S.* National pride in comparative perspective: 1995/96 and 2003/04 // *International Journal of Public Opinion Research.* 2006. Vol. 18. № 1. P 127—136. doi:10.1093/ijpor/edk007
23. *Solt F.* Diversionary nationalism: Economic inequality and the formation of national pride // *The Journal of Politics.* 2011. Vol. 73. № 3. P 821—830. doi:10.1017/S002238161100048X
24. *Wimmer A.* Power and pride: National identity and ethnopolitical inequality around the world // *World Politics.* 2017. Vol. 69. № 4. P 605—639. doi:10.1017/S0043887117000120
25. World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Data file Version [Электронный ресурс] / Inglehart, R. [et al.]. Madrid: JD Systems Institute, 2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>. (дата обращения: 14.08.2018).

Comparative quantitative study on national identity in contemporary social psychology

Fabrykant M.S.,

*PhD in psychology, PhD in sociology, senior researcher, laboratory for comparative studies of mass consciousness, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, associate professor, chair of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus,
marharyta.fabrykant@gmail.com, mfabrykant@hse.ru*

The article presents a review of quantitative comparative cross-cultural studies on national identity conducted by psychologists during the last two decades. It considers the relation of theoretical and methodological grounds of these studies with the general agenda of the contemporary social psychology, interdisciplinary studies on nations and nationalism, and empirical resources of cross-national surveys. The relevant publications demonstrate the prevalence of descriptive approach in psychological studies, while sociology and political science mostly use the explanatory research approach on factors affecting the national identity. Nevertheless, the explanatory research results reveal the underestimated cross-cultural variability of correlations between national identity components and the correspondence of these components to essentially different cognitive mechanisms. To fulfil the potential of their discipline, cross-cultural psychologists studying national identity should explore relations of national identity with basic values and attitudes with paying a special attention to cross-level interaction effects and social dynamics.

Keywords: cross-cultural psychology, mass consciousness, national identity, nationalism, patriotism.

Funding

This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE).

REFERENCES

1. Wagner U. et al. A longitudinal test of the relation between German nationalism, patriotism, and outgroup derogation. *European Sociological Review*, 2010, vol. 28, no. 3. P. 319—332. doi:10.1093/esr/jcq066
2. Ariely G. Evaluations of patriotism across countries, groups, and policy domains. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2018, vol. 44, no. 3, pp. 462—481. doi:http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2017.1319761
3. Ariely G. Globalisation and the decline of national identity? An exploration across sixty-three countries. *Nations and Nationalism*, 2012, vol. 18, no. 3. P. 461—482. doi:10.1111/j.1469-8129.2011.00532.x
4. Ariely G. Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries. *Identities*, 2017, vol. 24, no. 3. P. 351—377. doi:10.1080/1070289X.2016.1149069
5. Billig M. *Banal nationalism*. London: Sage, 1995. 200 p.
6. Bonikowski B. Nationalism in settled times. *Annual Review of Sociology*, 2016, vol. 42. P. 427—449.
7. Davidov E. Measurement equivalence of nationalism and constructive patriotism in the ISSP: 34 countries in a comparative perspective. *Political Analysis*, 2009, vol. 17, no. 1. P. 64—82. doi:10.1093/pan/mpn014
8. Davidov E. Nationalism and constructive patriotism: A longitudinal test of comparability in 22 countries with the ISSP. *International Journal of Public Opinion Research*, 2010, vol. 23, no. 1. P. 88—103. doi:10.1093/ijpor/edq031
9. De Figueiredo Jr R.J.P., Elkins Z. Are patriots bigots? An inquiry into the vices of in-group pride. *American Journal of Political Science*, 2003, vol. 47, no. 1, pp. 171—188. doi:10.1111/1540-5907.00012
10. Elkins Z., Sides J. Can institutions build unity in multiethnic states? *American Political Science Review*, 2007, vol. 101, no. 4. P. 693—708. doi:10.1017/S0003055407070505
11. EVS (2011): European Values Study 1981—2008, Longitudinal Data File. GESIS Data Archive, Cologne, ZA4804 Data File Version 2.0.0, doi:10.4232/1.11005.
12. Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics: Comparative quantitative analysis. *Journal of Baltic Studies*, 2018, vol. 49, no. 3. P. 305—331. doi:10.1080/01629778.2018.1442360
13. Fabrykant M., Magun V. Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective. In Schmidt P., Grimm J., Huddy L., Seethaler J. (eds.) *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are*. New York, NY: Routledge, 2016. [Ch.] 6, pp. 83—112.
14. Fox J.E., Van Ginderachter M. Introduction: Everyday nationalism's evidence problem. *Nations and Nationalism*, 2018, vol. 24, no. 3. P. 546—552. doi:10.1111/nana.12418
15. Grigoryan L.K. National identity and anti-immigrant attitudes. In Schmidt P., Grimm J., Huddy L., Seethaler J. (eds.) *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are*. New York, NY: Routledge, 2016. [Ch.] 11, pp. 206—228.

16. Huddy L., Khatib N. American patriotism, national identity, and political involvement. *American journal of political science*, 2007, vol. 51, no. 1. P. 63—77. doi:10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x
17. ISSP Research Group (1998): International Social Survey Programme: National Identity I — ISSP 1995. GESIS Data Archive, Cologne. ZA2880 Data file Version 1.0.0, doi:10.4232/1.2880
18. ISSP Research Group (2012): International Social Survey Programme: National Identity II — ISSP 2003. GESIS Data Archive, Cologne. ZA3910 Data file Version 2.1.0, doi:10.4232/1.11449
19. ISSP Research Group (2015): International Social Survey Programme: National Identity III — ISSP 2013. GESIS Data Archive, Cologne. ZA5950 Data file Version 2.0.0, doi:10.4232/1.12312
20. Kunovich R.M. The sources and consequences of national identification. *American Sociological Review*, 2009, vol. 74, no. 4, pp. 573—593. doi:10.1177/000312240907400404
21. Smith T.W., Jarkko L. National pride: A cross-national analysis. Chicago, IL : National Opinion Research Center, University of Chicago, 1998. 50 p.
22. Smith T.W., Kim S. National pride in comparative perspective: 1995/96 and 2003/04. *International Journal of Public Opinion Research*, 2006, vol. 18, no. 1, pp. 127—136. doi:10.1093/ijpor/edk007
23. Solt F. Diversionary nationalism: Economic inequality and the formation of national pride. *The Journal of Politics*, 2011, vol. 73, no. 3, pp. 821—830. doi:10.1017/S002238161100048X
24. Wimmer A. Power and pride: National identity and ethno-political inequality around the world. *World Politics*, 2017, vol. 69, no. 4, pp. 605—639. doi:10.1017/S0043887117000120
25. Inglehart R. et al. World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Data file Version [Elektronnyi resurs]. Madrid: JD Systems Institute, 2014. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp> (Accessed 14.08.2018).